

ЕЩЕ РАЗ О ХРОНОЛОГИИ “КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ”

...The novelist employs a time that is *seemingly historical* yet is condensed or prolonged, a time, then, that has at its command all the freedoms of imaginary worlds.

Mircea Eliade

Вопрос о хронологических странностях “Капитанской дочки” впервые был поставлен Мариной Цветаевой, которая в знаменитой статье “Пушкин и Пугачев” заметила, что возмужание Гринева в романе происходит с неправдоподобной быстротой. Пушкин, – утверждала она, – “даже забывает *post factum* постарить Гринева <...> Между Гриневым – дома и Гриневым – на военном совете – три месяца времени, а на самом деле по крайней мере десять лет роста <...> Пушкинскому Гриневу еще до полного физического роста четыре года расти и вырастать из своих мундиров”¹.

Это замечание Цветаевой было впоследствии подхвачено и развито в некоторых научных исследованиях поэтики романа. Так, Игорь Смирнов, попытавшийся описать сюжет “Капитанской дочки” как трансформированную структуру волшебной сказки, увидел в указанных Цветаевой хронологических несообразностях “следствие противоречий между кодом сюжетным (сказочным) и кодом историко-реальным, между мифологическим и иллюзорно-физическим временем. В мифе и сказке процессуальность выражена очень слабо, трансфигурация культурного или волшебного героя происходит внезапно, а не постепенно. Подобно этому, внезапно, взрослеет Гринев, когда выказывает зрелую мудрость на военном совете и превосходит коллектив старших”². Еще большее значение придавала тем же самым анахронизмам Н. Кондратьева-Мейксон³, для которой отклонения от реального календаря в “Капитанской дочке” суть не что иное, как особый художественный прием – отказ от правдоподобной хронологии ради установления символических соответствий между явлениями природного мира и сюжетными событиями (скажем, Пугачев должен появляться из бурана, даже если по реальному календарю буран в это время года невозможен). Нетрудно доказать, однако, что подобные умозаключения, при всем их остроумии, основаны на недостаточно внимательном чтении пуш-

кинского текста и что на самом деле действие “Капитанской дочки” охватывает значительно более длительный отрезок времени, чем это представлялось Цветаевой и ее последователям ⁴.

Разумеется, от романа, первая же фраза которого не договаривает (“в силу оригинальной честности нашей литературы”, как сказал В.Набоков) двух последних единиц года отставки Гринева-отца, и в котором биография героя не стыкуется с разветвленной системой намеков на переворот Екатерины 1762 года ⁵, не приходится ожидать точного следования календарю. В некоторых случаях Пушкин, подчеркивая фиктивный, условный характер своего повествования, даже обыгрывает расхождения между реальной датировкой исторических событий (прекрасно известной ему как историку Пугачевского бунта) и тем, как эти же события датируются в романе. Так, взятие Белогорской крепости в “Капитанской дочке” приурочено к реальному событию – оно происходит на следующий день после падения Нижне-Озерной крепости ⁶, о котором Пушкин подробно писал в “Истории”. Однако, если Нижне-Озерная крепость в действительности была взята, как сообщает Пушкин-историк, 26 сентября (IX, 18–19), то в романе события сдвинуты, по меньшей мере, на неделю вперед (“это было в начале октября 1773 года” [34], – уточняет Гринев). Благодаря этому временному сдвигу, центральная сцена “Капитанской дочки” – штурм и захват Белогорской крепости – избавляется от прямых соответствий какому-либо определенному историческому прототипу, но отсылает сразу к двум эпизодам Пугачевского бунта. С одной стороны, она, как давно было замечено, вбирает в себя подробности захвата Ильинской крепости (29 ноября)⁷, где Пугачев повесил двух офицеров, отказавшихся ему присягать, но помиловал капитана Башарина, а с другой, должна вызвать ассоциацию с одним из самых кровавых эпизодов восстания – со зверской расправой Пугачева над защитниками Татищевой крепости, которая была взята, подобно Белогорской крепости в романе, *на следующий день после Нижне-Озерной* ⁸. Сквозь слегка смягченные жестокости Пугачева в “Капитанской дочке” просвечивают чудовищные детали реальной бойни: если романические мятежники отрубают голову калмыку Юлаю, то мятежники исторические – бригадир Билову; если в романе Василису Егоровну убивают по приказу Пугачева ударом сабли по голове, то в “Истории” жену коменданта изрубают на куски. В полукомической угрозе Пугачева содрать с Савельича кожу “на тулупы” таится леденящий намек на реальный факт, когда казаки заживо содрали кожу с коменданта Татищевой крепости, полковника Елагина, “человека тучного” и “вынули из него сало” (IX, 19), точно так же, как почти сказочное избавление Марьи Ивановны от Пугачева напоминает о

печальной судьбе упомянутой ею Харловой – дочери убитого Елагина, которая была схвачена все в той же Гатищевой, отдана в наложницы Пугачеву, а потом предана им и расстреляна его сподвижниками (IX, 27–28)⁹. Идеальный читатель “Капитанской дочки”, к которому обращается Пушкин, должен знать его же “Историю Пугачевского бунта” и соотносить романические события, происходящие в условном времени фикции, с их историческими аналогами и образами. Милость Пугачева по отношению к романическим Гриневу и Марье Ивановне (как и к реальному Башарину) отнюдь не отменяет, а лишь оттеняет его злодейство по отношению к реальным Елагину и Харловым (как и к романической Василисе Егоровне). Время романа сложно взаимодействует с временем историческим, многократно пересекаясь с ним, но полностью никогда не совпадая. Оно как бы реализует потенции, оставшиеся недовыявленными и недореализованными в истории, и потому движется по своему собственному календарю – движется прерывистыми толчками, то сжимаясь, то растягиваясь, то застывая на месте. Скажем, рассказ о месяцах, проведенных Гриневым в Белогорской крепости или в отряде Зурина, занимает всего несколько строк, тогда как сцена взятия Белогорской крепости, длящаяся один день, будет растянута на две с лишним главы. В конце романа, после ареста Гринева, время вообще почти перестает двигаться, и Марья Ивановна благополучно попадает в Петербург в разгар золотой осени, тогда как по календарю ее встреча с императрицей должна произойти, в лучшем случае, в середине ноября. Однако, в пределах условного романного времени (мотивированного, конечно же, формой “семейственных записок”, позволяющей списать любые анахронизмы на счет ошибок старческой памяти повествователя), сама история Гринева и Марьи Ивановны оказывается хронологически непротиворечивой и реконструируется следующим образом:

Главы 1–3. Длительность действия – около месяца.

Отец принимает решение отослать Петрушу из дома “однажды осенью, [когда] матушка варила в гостиной медовое варенье”¹⁰. Вскоре после этого Гринева едет в Симбирск, затем в Оренбург и, наконец, отправляется к месту назначения, в Белогорскую крепость. Все эти передвижения, следовательно, происходят поздней осенью, – предположительно, во второй половине октября–ноябре месяце. Как явствует из текста, в это время уже ударили морозы (дома на Петрушу надевают пресловутый заячий тулуп, а сверху лисью шубу [10]); не говоря уже о неожиданной метели, застигшей Гринева близ Оренбурга, за Волгой повсюду лежит снег (“все покрыто было снегом” [13]; “...берегах, покрытых белым снегом” [19]; “три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом” [18]); но в то же время Яик не успел замер-

знуть: “Река *еще* не замерзала, и ее свинцовые воды грустно чернели в однообразных берегах...” [18] (курсив наш. – А.Д.). На последнюю фразу обратил внимание Вяземский, слушавший чтение Пушкиным “Капитанской дочки” по рукописи. “Кажется, зимою у тебя река где-то не замерзла, – писал он Пушкину, – а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы”¹¹. Очевидно, Пушкин никак не отреагировал на замечание Вяземского потому, что тот со слуха не разобрался в подробностях и не понял, что действие соответствующей сцены происходит не “посреди зимы”, а именно “с начала”. Из комментария же Гринева к “воровскому разговору” Пугачева с хозяином постоянного двора в главе “Вожатый” следует, что Пушкин имеет в виду позднюю осень 1772 года: как замечает Гринева, он не скоро догадался, “что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирненного после бунта 1772 года” (16)¹².

Главы 4–5. Длительность действия – около 10 месяцев.

Вскоре после приезда Петруши в Белогорскую крепость его “сносная и приятная” жизнь принимает размеренный, регулярный характер. Она лишена особых драматических событий, и потому хронологически не маркируется. Тем не менее Гринева упоминает о том, что он успел получить офицерский чин и серьезно заняться литературой, так что речь идет о достаточно длительном промежутке времени. Этот бессобытийный период заканчивается ссорой с Швабриным, которая происходит летом 1773 года, по-видимому, в июле и, во всяком случае, не позднее середины августа. На время года здесь указывает значимая бытовая деталь: когда Гринева приходит к Ивану Игнатьевичу, он застает его с иголкой в руках: “по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму” (25). После дуэли Гринева, по его словам, “целый месяц был на краю гроба” (31), затем, после получения отцовского письма с запретом на женитьбу, “впал в мрачную задумчивость” и несколько недель провел в тоске и бездействии, из которых его вывело получение известий о Пугачевском бунте.

Главы 6–8. Длительность действия – около недели.

Как мы уже знаем, капитан Миронов получает известие о восстании Пугачева в начале октября 1773 года (35). После этого проходит еще некоторое время, в течение которого распространяются слухи о приближении мятежников, урядник успевает съездить на разведку в соседние селения и через два дня вернуться (36), в крепости ловят башкирца с возмутительными листами, и наконец, приходит известие о взятии Нижне-Озерной крепости. С этого момента отсчет времени в романе начинает идти на часы и минуты: на завтра мятежники захватывают крепость, Пугачев вершит свой суд, жители в течение трех часов приходят к присяге, Гринева забегает в дом священника,

потом идет домой, потом, когда “начинало смеркаться” (48), отправляется в комендантский дом, где беседует с Пугачевым, и, наконец, уходит от него поздно ночью (ср.: “Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу” [50]). Ранним утром следующего дня и Пугачев со своим отрядом, и Гринев покидают Белогорскую крепость.

Глава 10. Длительность действия – четыре с половиной месяца.

Срок службы Гринева в Оренбурге точно устанавливается из письменных показаний его начальника, старого генерала Р., данных Следственной комиссии. По его свидетельству, Гринев находился на службе “от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился” (77).

Главы 11-12. Длительность действия – 2 дня.

В этих главах, как и в сцене захвата Белогорской крепости, время исчисляется часами, минутами и даже мигами (ср.: “Ямщики мигом заложили лошадей” [70]). Вечером 24 февраля Гринев попадает в Бердскую слободу, к Пугачеву, и во второй раз оказывается за позднею “трапезою с Пугачевым и его товарищами”. Оргия продолжается до глубокой ночи (63), а утром Гринев и Пугачев в сопровождении Савельича отправляются в Белогорскую крепость. Дорога занимает несколько часов (64). Выручив Марью Ивановну, Гринев проводит час с нею наедине и затем дружески расстается со своим благодетелем Пугачевым¹³. После того, как Марья Ивановна прощается с могилами своих родителей, они с Гриневым, Савельичем и Палашей отправляются в путь.

Глава 13. Длительность действия – 7–8 месяцев.

Вечером 25 февраля Гринев случайно встречается с Зуриным и принимает предложение последнего вступить в его отряд. 26 февраля Гринев, отправив Марью Ивановну и Савельича в родительское имение, выступает в поход (ср. также уточнение Гринева: “Это было в конце февраля” [73]). О своем участии в войне с Пугачевым, как и о начальном периоде жизни в Белогорской крепости, Гринев подробно не рассказывает; мы знаем лишь, что по длительности обе эти “пустые” части его биографии, симметрично расположенные в пространстве текста, примерно совпадают. В сентябре 1774 года, уже после получения известия о поимке Пугачева (которая последовала 15 сентября), Гринева арестовывают и отправляют под караулом в Казань, в Следственную комиссию (74–75).

Глава 14 и послесловие Издателя.

Длительность действия – два–три месяца.

После встречи Марьи Ивановны с Екатериной II Гринева освобождают от заключения в конце 1774 года (83), и нам известно, что 10 января 1775 года он присутствует при казни Пугачева в Москве (83).

Таким образом, основное сюжетное время романа исчисляется отнюдь не несколькими месяцами, а двумя годами и охватывает период с осени 1772 до конца 1774 года. Если в начале романа недорослю Гриневу идет семнадцатый год, то в конце книги он вступает в брак с Марьей Ивановной вполне зрелым (по меркам восемнадцатого века) девятнадцатилетним мужчиной, умудренным опытом армейской службы, бунта, пленения и несправедного суда. Его взросление в романе представляет собой не мгновенный, сказочный скачок к мудрости, а достаточно долгий процесс возмужания и становления, – процесс, хотя и получающий дополнительное ускорение в точках пересечения биографии с историей, но проходящий все последовательные стадии, от игры и пьянства с Зуриным, а также “ужина у Аринушки”, до первой сознательной молитвы, “излиянной из чистого, но растерзанного сердца”, и свадьбы. Характерно, что Пушкин предполагал продлить сюжет воспитания своего героя еще на целый год. В его рукописях сохранился так называемый “Подсчет года рождения Гринева”, из которого явствует, что по пушкинскому замыслу в 1773 году Гриневу должно было быть восемнадцать лет и что, следовательно, Пушкин хотел датировать начало романа не 1772-м, а 1771-м годом (VIII, 928). Если вспомнить, что в “Истории Пугачевского бунта” Пушкин ошибочно утверждал, что волнения яицких казаков, к которым приурочена провиденциальная встреча Гринева с Вожатым-Пугачевым во время бурана, произошли именно в 1771-м году (IX, 10–11), то нетрудно догадаться, почему он отказался от своего намерения. По-видимому, во время работы над “Капитанской дочкой” он обнаружил собственную хронологическую ошибку в “Истории Пугачевского бунта” и решил не повторять ее в романе. Восстановление же исторической точности в данном случае автоматически привело к сокращению “пустой части” жизненного опыта героя. Не исправь Пушкин ошибку в датах, Гриневу пришлось бы спокойно прослужить в Белогорской крепости до Пугачевского восстания не один, а целых два года, что подчеркнуло бы постепенность его превращения из деревенского простофили в зрелого мужа, сумевшего в хаосе бунта не потерять “честь смолоду”. Впрочем, для основных событий “Капитанской дочки” это не имело бы никакого значения – ведь именно в них, в этих хронологически далеких друг от друга и краткосрочных точках сюжета и выявляется человеческая сущность характера Гринева, а связующим их временным отрезкам, какой бы длительности они ни были, отведена подсобная роль соединительной ткани. Время “Капитанской дочки” – это время романа воспитания, пересозданное по моделям романа авантюрного; оно не течет, а перебрасывает нас от одного значимого момента к другому, и потому даже таким

искушенным читателям, как Марина Цветаева или Игорь Смирнов, может показаться очень коротким. На самом же деле к нему просто неприменимы реалистические конвенции, ибо оно не подчиняется диктату истории, а выводит нас за пределы ее кровавого календаря в свою собственную, творимую и животворящую длительность.

¹ Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1967. С. 126. В конце тридцатых годов Н.Е.Прянишников также утверждал, что в “Капитанской дочке” между “разгаром народного восстания и первоначальной дремотной идиллией” проходит всего 3–4 месяца. См.: Приложение. “Капитанская дочка” в критике. // Пушкин А.С. Капитанская дочка. 2-е изд., дополненное (Литературные памятники). Л., 1984. С. 259.

² Смирнов И.П. От сказки к роману. // ТОДРЛ. Т. 27; (История жанров в русской литературе X–XVII вв. Л., 1972. С. 317.

³ См.: Кондратьева-Мейксон Н. «По какому календарю? Время и пейзаж в “Капитанской дочке”» // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 168–176.

⁴ В комментарии к “Капитанской дочке” М.И.Гиллельсон и И.Б.Мушина возражают против суждений Цветаевой о “преждевременной зрелости” Гринева, усматривая в его поступках полное соответствие возрасту, но при этом не оспаривают ее хронологические выкладки (см.: Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина “Капитанская дочка”. Комментарий. Л., 1977. С. 75).

⁵ Как известно, Пушкин первоначально датировал отставку Гринева-старшего 1762 годом (см.: VIII, 858), прямо связав ее с узурпацией власти Екатериной, но затем вынужден был снять эту датировку, ибо она входила в явное противоречие с биографией Гринева-сына, который родился уже *после* отставки отца, но при этом *не позднее* 1756 года (к началу восстания Пугачева в 1773 году ему должно быть не меньше 17-ти лет). Отказ от точной датировки и, как следствие, введение условного, некалендарного, неопределенного отсчета времени в самом начале повествования, позволило Пушкину сохранить двойную – биографическую и историческую – хронометрию внутри текста, а с нею и его аллюзивную соотнесенность с убийством Петра III и вступлением на престол Екатерины II (связанные с этими событиями исторические подтексты “Капитанской дочки” были великолепно выявлены А.Л.Осповатов в его недавнем докладе на Пушкинском симпозиуме в Мадисоне, США).

⁶ Ср.: “Батюшки, беда! – отвечала Василиса Егоровна. – Нижне-Озерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда” (Пушкин, А.С. Капитанская дочка. [Литературные памятники]. С. 38. Все отсылки к “Капитанской дочке” даны по этому изданию в тексте статьи с указанием страницы в скобках).

⁷ См., например, комментарии Ю.Оксмана к указанному выше изданию “Капитанской дочки” в серии “Литературных памятников” (287).

⁸ Пушкин использовал в романе такие детали осады Татищевой, как переход крепостных казаков на сторону Пугачева, ранение коменданта при штурме и стрижка пленных солдат по-казацки. Упомянутый в “Капитанской

дочке” “ober-секретарь” Пугачева, “молодой малый в капральском мундире” (51), может быть соотнесен с реальным писарем Пугачева, сержантом Кармицким, которого “яицкие казаки, при взятии Гатищевой, удавили <...> и бросили с камнем на шею в воду” (IX, 27).

⁹ В первый раз Гринев упоминает о Харловой, не называя ее по имени, как о молодой жене убитого коменданта Нижне-Озерной крепости, которую он видел вместе с мужем месяца за два до событий (39). В рукописи романа знакомству Гринева с Харловой придано еще большее значение, поскольку Марья Ивановна ревнует Петрушу к заезжей красавице, с которой он “слишком разговорился” (VIII, 878). На участь Харловой как на возможный вариант судьбы Марьи Ивановны намекает эпизод в комендантском доме, где Гринев видит ее “постелю, перерытую разбойниками”, “ограбленный шкаф” и “опустелый кивот” и воображает любимую в руках у разбойников. В дальнейшем эта параллель актуализируется, когда Марья Ивановна пишет Гриневу, что Швабрин жестоко обходится с ней и грозит, если она не выйдет за него замуж, отвезти ее в лагерь к Пугачеву, где ее постигнет участь Лизаветы Харловой (57).

¹⁰ Противопоставлению патриархально-домашнего быта историческому процессу в романе соответствует противопоставление двух типов отсчета времени: референтного, то есть отсылающего к сезонному занятию или некоему экстраординарному событию (например, к варке варенья, сбору грибов или, как мать Гринева определяет год рождения сына, по несчастью, постигшем “тетушку Настасью Герасимовну” [8]), и календарного.

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 347.

¹² Об этом бунте, который был подавлен в июне 1772 года, Гринев упоминает также в исторической справке, открывающей шестую главу книги, где он еще раз соотносит “усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями” со своим приездом в Белогорскую крепость: “Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость” (34).

¹³ Любопытно, что Пушкин приурочил благородный поступок романического Пугачева к тем самым дням, когда, согласно “Истории Пугачевского бунта”, он в действительности совершил одно из самых своих низких преступлений: “велел <...> тайно задавить одного из верных своих сообщников, Дмитрия Лысова”, хотя пил с ним еще за несколько часов до его смерти (IX, 47).

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 60-ЛЕТИЮ
ПРОФЕССОРА
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОМИЧЕВА

ПУШКИН И ДРУГИЕ

НОВГОРОД
1997